
Александр ОЛЕКСЮК

СКОТТИШ-ФОЛД

Рассказ

Проводница еще на перроне предупредила, что в купе меня поджидает сюрприз.

— Какой? — без улыбки спросил я, потому что меньше всего на свете мечтал о сюрпризах в вагоне. С ними интуитивно ассоциировались странные, навязчивые попутчики. Например, однажды я ехал с тамадой — свадебным ухарем и заводилой. Это был тучный, беспорядочный и весь какой-то расхристанный человек лет пятидесяти. Целый день он украдкой потягивал коньяк из блестящей фляги, воровато поглядывая на меня. Я снисходительно кивал, мол, ничего-ничего, дружище, пейте на здоровье, сделайте одолжение. Ближе к вечеру попутчик сильно опьянел, осоловел, зарумянился, предложил выпить мне, а когда я отказался — стал сентиментально жаловаться, что пока он из года в год поздравлял молодых, сам успел постареть и обрасти седым мхом.

Всю ночь тамада тихо и даже немного деликатно, стараясь никого не разбудить, всхлипывал и шмыгал носом, зато под утро переполошил весь вагон: кричал, ругался и в конце концов завыл заводским гудком — протяжно и гулко. Его сняли с поезда на ближайшей станции. «Повеситься попытался в тамбуре, на этих перекладинах железных, там, где пепельница», — рассказал мне проводник, когда я набирал кипяток и между делом спросил, что за шум был сегодня утром и где мой молодящийся тамада.

— Да вы не переживайте! — засмеялась проводница, наверное, увидела, как я весь скривился и скуксился. — Сюрприз — это кот.

— Кот?

— Ну да, котик. Чудной немного, никогда таких не видела. Хвост короткий, лапы огромные, глаза навывкате, — женщина широко распахнула веки и попыталась продемонстрировать, что имеет в виду.

Я ехал из пыльного, вяленого Ростова в копченый от дыма Челябинск. После бессонной ночи мысли в голове ворочались медленно и натужно, словно умирающие рыбы в пятне мазута. «Неужели один едет? Разве так можно?» — подумал я.

Хранительница вагона, кажется, разглядела рыбью агонию в моих глазах и весело сказала:

— С хозяином едет, само собой. У кота отдельный билет.

В купе меня ждал высокий, как жердь, тонколицый мужчина с немного комично вздернутым носом. Нос делал лицо незнакомца надменным, но эта надменность тонула в грустных, слегка растерянных глазах и оставляла после себя слабую тень. Сальная с проседью челка на его голове была лихо зачесана набок. Руки походили на ко-

Александр Сергеевич Олексюк родился в городе Ноябрьске (Ямало-Ненецкий автономный округ) в 1986 году. Главный редактор сайта hornews.com. Публиковался в журнале «Урал». Живет в Челябинске.

рабельные канаты, худое плечо украшало бледно-зеленое пятно татуировки — мало-понятный, небрежно набитый орнамент. Такие наколки пользовались популярностью в 1990-е годы и в дурных тематических буклетах из плохой бумаги назывались незатейливо: «абстракция».

Рядом с попутчиком на колючем верблюжьем одеяле сидел кот в позе сфинкса. В самом деле, очень странный: гладкошерстный, с могучими лапами, напоминающими боксерские перчатки, короткими, загнутыми вниз ушками и таким же, слегка задранном носом. Если бы не словоохотливая проводница, я бы принял его за плюшевую игрушку. Увидев меня, кот с опаской прижался к хозяину и не замаякал, а глухо, отрывисто затарахтел, как старый мопед.

— Здравствуйте, — поздоровался я и закинул рюкзак наверх.

— Добрый день, — сказал попутчик.

В этот момент кот неожиданно подскочил и неуклюже бросился к выходу. Мужчина, неразборчиво ругаясь, вратарем прыгнул за ним и коленями ударился об стол. Пухлая бутылка с водой рухнула на пол и закатилась куда-то в темное подбрюшье нижней полки.

— Да чтоб тебя, Эдуард! — закричал мой сосед, и я обратил внимание, что у него театральный, высокий голос. Кота он поймал около купе проводника и, вернувшись, посадил его обратно на одеяло.

— Негодяй! Плохой, гнусный кот, — запричитал попутчик, натягивая на кота бордовый ошейник на поводке. — Простите нас, ради бога, Эдуард очень нервничает в поездках. Он пуганый.

Кот смирился с пленением, послушно принял позу сфинкса и пристально уставился на меня.

Мужчина привязал конец поводка к жердочке для полотенец. Потом словно спохватился, протянул мне раскрытую худую ладонь и с улыбкой сказал:

— Николай. А это, — он торжественно показал на кота, — Эдуард. Скоттиш-фолдской породы. Племенной кот и завидный жених.

Я представился и пожал руку. Она оказалась сухой, крепкой и заскорузлой. Определенно это была рука рабочего человека, и так сильно она контрастировала с манерной, мелодраматической и даже немного напыщенной речью попутчика.

— Еду из командировки, домой в Омск. Я всегда беру с собой этого несносного зверя: Людмила — жена — ненавидит Эдуарда, — грустно сказал Николай, а потом, как бы оправдывая Людмилу, добавил: — Она уже старенькая, на тринадцать лет меня старше.

Я задумался, на вид Николаю было лет сорок пять-сорок восемь, значит, его супруге уже за шестьдесят.

Мысль опрокинула проводница. Она ураганом влетела в купе, всплеснула руками и заохала, глядя на Николая:

— Как же мы на билеты смотрели? У вас не двадцать первое место, а двадцать седьмое!

Мужчина достал из-под подушки потрескавшуюся поясную сумку, извлек оттуда билет, пару секунд всматривался в него.

— Семерка плохо пропечаталась, на единицу похожа. Бе-да-а, — пожал плечами Николай и начал трагически доставать с верхотуры большую дорожную сумку, потом отвязывать Эдуарда, складывать в пакет сланцы.

— До свидания, прошу нас извинить за беспокойство, — на прощание проговорил Николай и побрел в соседнее купе, навьюченный котом, сумкой и пакетами. В дверях он разминутся с девушкой. Она ехала на нижней полке, а я на верхней, Николая с Эдуардом тоже согнали сверху. Еще одно место — внизу — осталось свободным.

С одной стороны, я, конечно, выдохнул: попутчик казался странным, как бы не повторилась та история с тамадой, с другой стороны — интересным. Его длинная, тонкая фигура с руками-канатами, неудачной татуировкой, вытянутой головой и челкой набок выдавала в нем какую-то неустроенность, хаотичность слагаемых частей. Такими бывают садовые домики, собранные из случайных материалов: часть стены — из досок, часть — из найденных где-то шпал, часть — из какого-то строительного мусора: подоконников, рам, старых дверей. Подуешь на него серым волком — и хижину разматывает по полю, как домик Нуф-Нуфа из сказки про «Трех поросят». А еще эта манерность речи.

Кот тоже был словно искусственный, нежизнеспособный, с нелепыми, шишковатыми лапами, изуродованный селекционерами и больными генами. Он не поймает мышь, не прикончит воробья, а между тем «завидный жених».

Через десять минут Николай уже снова стоял с Эдуардом в проходе нашего купе. Проводница что-то говорила ему полупшепотом и косилась на кота. Эдуард смотрел на нее с забитой злостью и издавал тархтящие звуки. Женщина кивнула на верхнюю полку и уже громче сказала:

— Здесь едьте пока, до Уфы. Там начальство сядет — наше, из офиса ЮУЖД — у них эти два места забронированы, внизу и вверху.

— Хорошо, спасибо, — безропотно ответил Николай и начал, вздыхая и смахивая с глаз челку, заново проводить всю процедуру: закидывать наверх чемодан, привязывать кота, прятать под кровать пакет с обувью.

— Вы знали, что у нас специальный вагон — инвалидный? — спросил Николай. — В купе, куда я купил билеты с этим невыносимым леопардом, едет мама с больным ребенком. Теоретически у мальчика на кота может возникнуть аллергия.

Перед сном Николай привязал Эдуарда к жердочке на верхней полке. Кот сверкал глазами, пыхтел и аккуратно ходил по туловищу спящего хозяина, как по карнизу. Я просыпался, видел эту картину и боялся, что глупый зверь снова попытается прыгнуть с полки и в результате повесится на своем бордовом поводке. Не получилось у тамады, получится у Эдуарда.

На исходе ночи поезд резко дернулся, кот испугался и все-таки прыгнул с полки, но не удавился, потому что приземлился на стол — длины поводка хватило. Эдуард устроил настоящий погром: на голову спящей девушки перевернул стакан с недопитым чаем, разметал пачку крекеров, начал истошно кричать и перебудил полвагона. Николай суетливо извинялся, протирал стол, проклинал Эдуарда и почему-то жену Людмилу, называл кота подлецом и в итоге укоротил поводок сантиметров до двадцати. Кот принял знакомую позу сфинкса и задремал, вместе с ним заснули и мы.

Утром в купе бочком просунулась бледная проводница.

— Вас тут спрашивают, — обратилась она к Николаю и подергала его худую ногу в саване простыни.

За женщиной стояли двое полицейских. Один из них — мужчина с закатанными по локоть рукавами, пистолетом в кобуре и погонами капитана — попросил у моего попутчика паспорт. На меня даже не посмотрел. Николай засуетился, полез в сумку и дрожащими руками достал документы. Паспорт почему-то хранился в глянцевиной камуфляжной обложке, какие бывают у дембелей и подростков.

— Если вы пришли из-за этого чудовищного кота, то прошу нас извинить. Я ручаюсь за него, он будет смиренным. Ведь так, Эдуард? Посмотри, что ты натворил, — строго обратился хозяин к коту.

— Нет, не из-за кота, — сказал капитан, рассматривая паспорт и сверяя что-то в планшете, — где ваши вещи? Доставайте сумку.

Николай вздохнул и принялся снова спускать тяжелую, невесь чем набитую сумку. На его тонкой, лебяжьей шее набухли веточки вен.

— Лоток его где? — металлический голос капитана звучал сурово и страшно.

— В смысле, куда он какает? — смущенно спросил Николай. Полицейский кивнул.

— Под столом. Но он туда еще не ходил. Из-за стресса Эдуард может по два-три дня не ходить ни по-большому, ни по-маленькому.

— Посмотри там, — отрывисто сказал капитан своему напарнику-сержанту и показал под стол.

— Хорошо, что не ходил, — заметил напарник, вытаскивая из-под стола розовый, наполненный древесными гранулами лоток.

Сержант с лотком вышел из купе, а его старший начал скрупулезно исследовать пузатую сумку Николая, доставая оттуда разные предметы: опасную бритву, блокнот, фен для волос, книгу «Братья Карамазовы» в мягкой обложке, одежду. Каждый предмет он тщательно изучал и перетряхивал.

— Наркотики ищут, — шепнула мне проводница, пока мой попутчик отвечал на вопросы полицейского. — У нас на линии так часто бывает. С юга ж едем. Вот недавно тоже мужичок вез кота, а наркотики спрятал в лоток, и не брезгают же! Перемешал с наполнителем, гад, чтоб не почувяли эти самые собаки. А еще как-то раз девушка ехала с фикусом. Большим таким, красивым, в красном горшке. Оказывается, в землю зарыла наркотики.

А тем временем из бокового кармана сумки полицейский вытащил потертую прямоугольную коробочку из-под одеколona «Тет-а-тет». Слегка потряс ее, строго посмотрел на Николая. Стал открывать и потянул ногтями за кончик куска желтого поролона. В этот момент я был почти уверен, что, когда он достанет поролон, на простынь прольется дождь из маленьких, аккуратно запаянных пакетиков по грамму в каждом. Однако через мгновение на ладони полицейского оказался серебристый кельтский крест на муаровой ленте.

— Орден Мужества, — с некоторым удивлением сказал капитан, а потом спросил: — За что «мужика» дали? Первая, вторая?

— Первая, — смущенно ответил Николай, — девяносто шестой год, Грозный.

Капитан просветлел, расслабился и распрямил плечи, будто скинул со спины тяжелый вещмешок с патронами и тушенкой. Едва заметно улыбнулся — одними глазами, — кивнул, взгляд стал снисходительным. Бережно повертел в руках орден. Серебряный крест с двуглавым орлом блестел, словно его специально натерли зубной щеткой.

— С собой возите? — спросил капитан.

В вопросе угадывались нотки затаенной, но беззлобной зависти — крепкого, многокомпонентного коктейля из вероятных, но несбывшихся грез, которые человек явственно проживает одним лишь умом. Полицейский представил, как выносит раненого товарища из разбитого, взьерошенного блиндажа, как поет в руках «печенег» и как он потом всю жизнь трепетно хранит «мужика» в упаковке из-под одеколona.

— Ну да, это для меня некоторым образом святыня.

— Понимаю, — медленно произнес капитан. — А я вот не успел «туда», по малолетству. Года не хватило. Правда, братан старший ездил на КТО, тоже, кстати, Эдик.

Мужчина отрывисто глянул на кота, тот сидел «утюжком» поверх одеяла и безучастно дремал.

— Эдом звали во дворе, прозвище такое, — еще раз задумчиво добавил капитан, но вдруг насупил брови, вспомнив, что при исполнении, и протянул Николаю темно-бордовую коробочку и орден.

— Сами засуньте обратно, я боюсь неаккуратно сделать.

Обыск продолжился, но уже больше для порядка, расслабленно. Офицер наспех простукал ладошкой закрытые карманы сумки, не расстегивая их. Кроме одного — из него беременным животом выпирала литровая солдатская фляга. Капитан достал ее, резко взболтнул, в утробе что-то сочно, со вкусом булькнуло. Открыл крышку, понюхал и сморщился.

— Тьфу ты! Это что, спирт?

— Так точно, спирт, — как ни в чем не бывало ответил Николай.

— Вы что, спирт пьете? — давая улыбку, спросил полицейский.

— Боже меня упаси! — всплеснул худыми руками попутчик. — Понимаете, моя жена Людмила невероятно пуглива. Ей везде мерещится зараза. А после ковида — она тяжело болела, потому что уже старенькая, на тринадцать лет меня старше — приобрела какое-то нервное расстройство. Все предметы вокруг протирает спиртом и меня заставляет так делать. Вот я и вожу в сумке флягу.

— Не увлекайтесь, — строго сказал офицер и крикнул напарнику: — Нормально там все?

— Нормально, — невесело ответил молодой сержант, заноса в купе лоток с древесной стружкой. Проводница, пропуская его вперед, смялась лицом и зажала пальцами нос.

— Да вы не переживайте! Я же говорю, Эдуард еще не опорожнялся. Когда у него стресс, он не писает и не какает, — обнадеживающе сказал Николай, принимая лоток из рук.

Капитан еще раз сделал внушение по поводу фляги, отдал честь и размашистыми, уверенными шагами двинулся в сторону тамбура. За ним пошел и сержант, немного сомнамбулически, на ходу ухмыляясь и что-то просматривая в телефоне.

Проводница, все это время с недоверием глядевшая на Николая, успокоилась и механическим голосом, которым обычно зачитывают объявления на вокзалах, напомнила, что в продаже есть «Доширак», печенье «Юбилейное», «Нескафе три в одном» и «Люкс-вода».

— Правда, корма для вашего чуда-юда нет, — в шутку сказала проводница.

— Не стоит беспокоиться, у Эдуарда свой корм, премиум-класса, — с легким раздражением пробормотал Николай.

В купе замолчали, вагонные колеса глухо отстукивали особый, ни на что не похожий ритм. Сопел кот. За окном пролетали бесконечные перелески и черные, полуистлевшие деревни. Дороги к ним заросли густым бурьяном, и лишь в некоторых дворах, огороженных кривыми штакетинами заборов, текла своя тихая, поросшая быльем жизнь.

Она обнажалась и в подробностях открывалась только с насыпи железной дороги. Было видно, как во дворах сохнет белье, у стен кривобоких сараев громоздятся запасы дров, а на завалинках курят призраки стариков. Они молча наблюдали за железной гусеницей, и мне хотелось, чтобы дым их дешевых «Примы» или «Родопи» влетел в вагон и приобрел нас к отрешенному, мечтательному созерцанию.

Локомотив сбавил скорость, покатился медленно, церемонно. На я почувствовал, что мое сердце бьется в такт глухому стуку колесных пар, и если ритм собьется, то я умру. Мысль была игривой и легкой, она не пугала, а лишь создавала какой-то особый мыслительный фон. Я словно весь слился с плавным движением железного корабля и замороженно смотрел за борт: на темные фигуры дедов-призраков, на зеленые холмы вдалеке, на огромные, в человеческий рост, заросли лопухов и кусты пожелтевшей крапивы. Ее листья напоминали крокодилью пасть.

В сознании мигнул уголек — два неожиданных слова: «Абсолютная Родина». Я вспомнил — так называлась книга одного современного философа, которую я про-

читал очень давно и окончательно забыл ее содержание. Интересно, о чем она? Может быть, об этом поезде, об этих мшистых, прокуренных стариках и о «мужике» из коробочки.

— Друзья, «Нескафе три в одном», мой любимый кофе, хотите? Я на всех взял! — весело сказал Николай, шелестя пакетиками. Пока я смотрел в окно, он успел забежать к проводнице и купил кофе.

Мы кивнули.

Девушка собрала стаканы и, пошатываясь от тряски, пошла к титану. Через пару минут все сидели, дули на кофе и грызли сушки.

— Кстати, Николай, а ведь вы так и не ответили, за что же вам «мужика» дали? — попутчица, ее звали Юля, подобрав ноги под себя, серьезно, даже с вызовом смотрела на нашего странного спутника. — Если не хотите, не рассказывайте. Я понимаю.

— Да нет, почему же. Я расскажу. Тут, знаете ли, ничего особенного, — Николай втянул голову в острые колышки плеч, словно желая стать ниже ростом. — В вуз не поступил, на филолога, не хватило баллов. Решил отслужить, а там уж, после армии, снова попробовать. Благо по линии ДОСААФа еще в школе отучился на водителя категории С и на тракториста. Мама обнадеживала, говорила: «Ты, Коля, с корочками будешь щепень возить на генеральские дачи, как у Христа за пазухой заживешь». Не вышло, в общем-то, со щепнем — попал в Чечню.

Рассказывая историю, Николай держал загорелые ладони плотно сомкнутым капканом в щетине черных волос. Этот крепкий, тугой капкан казался нелепым и слишком крупным на фоне тонких предплечий, казалось, будто его пришили от другого тела. Выделялись и пальцы Николая. С загнутыми вниз, округлыми ногтями они походили на барабанные палочки и вызывали смутные ассоциации с артритными лапами кота Эдуарда.

— Когда призвали в 1996 году и после учебки распределили на Кавказ, поставили механиком-водителем на «мотолыгу». Мы так МТЛБ называли — тягач бронированный, вроде БМП, — Николай улыбнулся и смахнул полуседую, прилипшую ко взмокнутому лбу челку. Было жарко. Вагон буквально плавился от жары, к тому же мы пили горячую бледно-бежевую бурду. — На второй год службы, летом, под Аргуном наш отряд попал в засаду, слышали про такой город?

— Слыхал, да. Сейчас там отстроили все. Видел по телевизору, — ответил я.

— Сейчас отстроили, это точно. Даже не верится. В общем, «мотолыгу» мою подбили. Я вылез, начал отстреливаться. Знаете, хаотично как-то, не как в фильмах показывают, а глупо, будто ребенок, когда играет в «войнушку». Просто стрелял куда-то не целясь и все. Страшно было, жуть! Об этом, разумеется, не принято говорить, но я даже, это самое, штаны обмочил от страха, понимаете?

Мы смущенно закивали, а Николай расцепил ладони-замки, хлебнул кофе и зачем-то посадил дремавшего кота на колени.

— Стрелял из АКСУ, «ксюхи» — смешное оружие, для войны совершенно негодное. С «ксюхой» полиция ходит, вневедомственная охрана и все такое. А я и стрелять-то толком не умел, палил куда-то в сторону духов и водонапорной башни, откуда они лезли, к «мотолыге» своей жался, как котенок. Вдруг чувствую тупой такой удар в руку. Ранило. Сильной боли, кстати, не было, а как будто молотком стукнули или, скорее, киянкой. Я «мотолыгу» с другой стороны обошел, спрятался, жгутом перетянул руку. Вожусь с резиновым ремнем, дрожу весь, а про себя думаю: ну вот и все, поступил, блин, на филфак, — Николай засмеялся и расцепил руки.

— Говорят, в такие моменты перед глазами проносится жизнь. Было у вас подобное? — спросила Юля, задумчиво помешивая «Нескафе».

— Не то чтобы. Просто мысленно попрощался со всеми: с мамой, бабушкой, Никитой Палычем — я так отчима называл, родной отец у меня умер от цирроза печени. Девушка еще ждала на гражданке, тоже Люда, не та, которая сейчас, а другая — ровесница. В общем, попрощался, и, знаете, страх как рукой сняло, рассудил так: ежели я все равно умру, то надо этих зверьков, мы их зверьками называли, — Николай слегка покраснел и вежливо кашлянул, будто извиняясь за грубость, — побольше укокошить. Магазин заменил и снова начал палить, и опять меня ранило... Я уж ничего не чувствовал, а все стрелял, и стрелял, и стрелял, ползал вокруг «мотолыги», словно лягушонок, с разных позиций огонь вел, вспомнил, как нас гоняли в учебке.

Голос худощавого ветерана стал бодрее, в нем зазвучали стальные нотки. Он, конечно, приbedнялся, даже слегка театрально, но все же ценил и свой опыт, и, в особенности, «мужика» из коробочки.

— Очнулся уже в госпитале. Врач сказал, легко отделался — два сквозных ранения конечностей, чудом не убили. Вот, — Николай развернул тыльной стороной худую, бугристую руку и показал пальцем на бледную коляску шрама, потом продемонстрировал аналогичную метку, только на другой руке, чуть пониже плеча. — Ничего страшного, но потерял много крови.

В госпитале навестил командир, сказал: ты, мол, филолог, герой. Спрашиваю: почему же герой? Оказывается, пока я беспорядочно палил, выиграл минут пять-десять — принял огонь на себя. Духи, наверное, подумали, будто я не один стреляю. А наши парни в это время заняли оборону и всех гаденышей перебили. Ну вот, как-то так. — Николай замолчал, давая понять, что рассказ закончился, вздохнул и промежду прочим добавил: — Ну а потом «мужика» дали, да. Храню. Ради бога, вы только не подумайте, что я хвастаюсь!

Наш попутчик весь напрягся, кот на его коленях проснулся и с тупой, удивленной мордой уставился на хозяина.

— Бросьте, Николай. Никто так не думает, — я внимательно посмотрел на ветерана первой чеченской. Его глаза превратились в круглые фары тягача-«мотолыги», но в них горели радостные огоньки.

— А мне кажется, вы имеете право хвастаться, — без улыбки, даже немного сурово отчеканила Юлия. — Вы за Родину кровь пролили.

— Да ну, — махнул рукой Николай и вызвался помыть пустые стаканы.

Остаток вечера мы провели в молчании: Юлия и я читали, Николай разгадывал сканворды и, если не мог подобрать слово, полупшепотом ругался на равнодушного Эдуарда.

Когда погасили свет и все легли спать, в купе ворвалась взбалмошная проводница.

— Что же вы мне не напомнили? — запричитала она. — Уфа! Начальство из РЖД! Вот-вот сядут.

— Я полагал, это вы должны были напомнить, — резонно заметил Николай.

— А-а-а! — замотала головой проводница. — Какая разница?! Скорее переезжайте в свое купе.

Николай вздохнул и снова принялся за известную мучительную процедуру: стал перекладывать кота с места на место, суетливо собирать вещи, искать обувь в черноте под полкой. Я вызвался помочь и потянулся за сумкой. Она оказалась чудовищно тяжелой, будто наш попутчик перевозил чугунный радиатор или коллекцию антикварных статуэток из каслинского литья.

«Надо же, а ведь он этими невесомыми руками таскает такую тяжесть», — подумал я, грохнув сумку на пол.

— Что у вас там? — отдуваясь, спросил я.

— Книги. Я же так и не стал филологом — холодильное оборудование налаживаю, — но когда езжу в командировки, всегда беру с собой книги. Не привык читать с телефона. Профанация, — фыркнул Николай и в дверях добавил: — Счастливо оставаться. Был несказанно рад знакомству. Обязательно расскажу о вас своей немощной супруге Людмиле. Она очень радуется, если мне удастся найти общий язык хоть с кем-то, кроме кота.

Николай улыбнулся и, как мне показалось, по-военному козырнул.

— Давайте скорее уже! Скорее! — подгоняла проводница.

— До свидания. Взаимно, — я пожал ему руку.

— До свидания, — сказала Юля.

Через полчаса в наше купе бесцеремонно и даже не поздоровавшись вошли чиновники железной дороги. Это были полные, крепко стоящие на ногах мужчины средних лет. Они как две капли воды походили друг на друга и напоминали «двоих из ларца» из мультфильма «Вовка в тридевятом царстве». Железнодорожники синхронно, как чирлидириши, расправили свои постели и завалились спать. Спустя десять минут купе сотрясал тяжелый, артиллерийский храп.

Тем не менее ночью я проснулся совсем от другого шума. Рядом с нашим купе шелестели знакомые голоса.

— Его можно в туалете запереть в конце вагона. Там, где душ. Этим туалетом никто не пользуется, мы его, кажется, даже не открыли. Какая ему разница, на кровати сидеть весь день или в туалете? — раздраженный голос проводницы указывал на какую-то внезапную проблему.

— В сущности, ему, конечно, нет разницы, но, понимаете, Эдуард очень нервничает без меня, — печально сказал Николай. — Прежде я никогда не оставлял его одного так надолго.

— Так вы его навешайте в туалете. До Омска-то всего чуть больше суток. Потерпит, — зевая, продолжала проводница. — Я же не виновата, что у ребенка аллергия.

— Ну что ж, хорошо. Может быть, в самом деле потерпит.

В конце вагона загремели двери туалета, истошно завопил кот. Идея провести сутки в сыром, замкнутом пространстве ему явно не нравилась.

Под утро я снова проснулся. Голос проводницы был уже тише, но едва не срывался с шепота на хриплое рычание.

— Я, в самом деле, не знаю. Вы же купили билеты и на себя, и на зверя вашего. Все по закону. Хотите верьте, хотите нет, но сколько лет работаю — двадцать пять уже, — такого еще не случалось. Чтобы во всем поезде ни единого свободного места! Дурдом какой-то, — причитала проводница.

— Да ладно, что вы так переживаете? Эдуард в туалете поедет, он уж, кажется, привык, — примирительным тоном говорил Николай.

— А вы где? Тоже в туалете?

— Нет, зачем же? Я здесь. Можно мне здесь, у окна?

— В проходе, что ли? Тут же ни сесть, ни лечь, ничего.

— Ну да, в проходе. Вы, главное, вопрос решите, если полиция снова пожалует.

— Как хотите! — отчаялась проводница. Послышались ее удаляющиеся шаги.

Я вышел из купе. Николай стоял в проходе вагона, оперевшись на перекладину, и устало смотрел в окно. Начинало светать.

— Что у вас там стряслось? — спросил я.

— У малыша из моего купе, в самом деле аллергия на кошек. Он болен. ДЦП, кажется. Я же говорил, что у нас особенный вагон — инвалидный, — спокойно сказал Николай.

- А вы-то тут при чем? Эдуарда, я слышал, решили запереть в туалете.
- У меня на одежде осталась шерсть, не получается оттереть. А у него даже на маленькие частицы аллергия, исчихался, бедняга.
- Давайте я с вами поменяюсь. Мне-то какая разница, — предложил я.
- Ни в коем случае! — взметнул своими тонкими руками попутчик. — Я этого не люблю, не привык.

Я понял, что спорить с ними бессмысленно, но на всякий случай сказал:

- Надо к начальнику поезда обращаться, мало ли. У вас же билеты.
- Проводница ходила уже. Нет мест. Последние два заняли эти двое из РЖД.
- И что же, вы будете здесь ехать? В проходе?
- Ага, — зевнул Николай. — Эдуард в туалете, а я здесь. Сутки всего до Омска.

Мы замолчали и уставились в окно. Очертания мира по ту сторону вагона вырисовывались медленно, как на старой полароидной фотографии. Стог сена с торчащей из него жердью, размытая дождем дорога, километровый столб. В утренних сумерках просыпалась абсолютная Родина.